

Когда умирает эпоха...

Когда умирает эпоха, надгробных псалмов не поют...
А. Ахматова

ГЛАЗАМИ КОЛЛЕГ

В ночь на 25 июля умер один из тех работников, которых на Чернобыльской АЭС принято называть "золотым фондом предприятия", — Владимир Александрович Чугунов. В Славутиче, и уж тем более на Чернобыльской АЭС, вряд ли найдется человек — даже из самых молодых работников! — ни разу не слышавший это имя. Те же, кто знал его хорошо, характеризуют Владимира Александровича коротко и емко: Человек и Профессional. Именно так. С большой буквы.

Он прибыл на Чернобыльскую площадку в далеком апреле 1975 года в качестве старшего инженера управления реактором. Пускал сначала 1-й энергоблок, потом 2-й. Затем работал начальником смены реакторного цеха (РЦ), заместителем начальника РЦ, начальником РЦ, позже — заместителем главного инженера станции по научной работе. Последние годы работал в Группе управления проектом SIP (План осуществления мероприятий на объекте "Укрытие"). В общей сложности Владимир Чугунов отдал Чернобыльской АЭС 33 года. Коллеги говорят, что он "знал станцию так, как мало кто ее знает вообще". Был принципиален и обязателен. И еще очень требователен — как к другим, так и к себе. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, многочисленными грамотами. Почетный гражданин города. Его имя внесено в Книгу почета Чернобыльской АЭС.

ГЛАЗАМИ ИСТОРИИ

Владимир Чугунов был в числе тех, кто первым встал на борьбу с аварией на 4-м блоке ЧАЭС 26 апреля 1986-го. Впервые его имя стало известно широкому кругу читателей после выхода в свет нашумевшей в свое время книги Юрия Щербака "Чернобыль".

Из дневника Аркадия Геннадиевича Ускова (на момент аварии работал старшим инженером по эксплуатации реакторного цеха №1 (РЦ-1), приведенного в купюрах Ю. Щербака в своей книге:

"...Припят, 26 апреля 1986 г., 3 ч. 55 мин., ул. Ленина, 32/13, кв. 76. Разбудил телефонный звонок. Дождь. Дождя следующего сигнала. Нет, не приснилось. Прошлепал к телефону. В трубке голос Вячеслава Орлова, моего начальника — замначальника реакторного цеха №1 по эксплуатации.

— Аркадий, здравствуй. Передаю тебе команду Чугунова: всем командирам срочно прибыть на станцию в свой цех...

...Звонок от начальника смены реакторного цеха-1 (НС РЦ-1) Чугунова. Замечательный человек, я еще не раз скажу о нем. Чугунов только что с 4-го блока. Дела, похоже, дрянь. Везде высокий фон. Приборы со шкалой 1000 микрорентген в секунду зашкаливают. Есть провалы, много развалин.

Чугунов и заместитель главного инженера по эксплуатации 1-й очереди (т. е. 1-го и 2-го блоков) Анатолий Андреевич Ситников вдвоем пытались открыть отсечную арматуру системы охлаждения реактора. Вдвоем не смогли ее "сорвать". Туго затянуло.

Требуются здоровые, крепкие парни. А на блочном щите-4 (БЩУ-4) надежных нет. Блочники уже выдыхаются. Честно говоря, страшновато. Вскрываем аварийный комплекс "средств индивидуальной защиты". Пью йодистый калий, запиваю водой. Тьфу, какая гадость! Но надо. Орлову хорошо — он йодистый калий принял в таблетке. Молча одеваемся. Надеваем бахилы из пластика на ноги, двойные перчатки, "лепестки". Выкладываем из карманов документы, сигареты. Как будто идем в разведку. Взяли шахтерский фонарь. Проверили свет. "Лепестки" надеты, завязаны. Каски на головах.

Все. Запомните их имена. Имена тех, кто пошел на помощь своим товарищам, попавшим в беду. Пошел не под приказом, без всякой расписки, не зная истинной дозовой обстановки. Поступив так, как подсказывала профессиональная, человеческая порядочность, совесть коммуниста:

— Чугунов Владимир Александрович, чл. КПСС, начальник реакторного цеха по эксплуатации.

— Орлов Вячеслав Алексеевич, чл. КПСС, замначальника реакторного цеха по эксплуатации.

— Нехаев Александр Алексеевич, чл. КПСС, старший инженер-механик РЦ-1.

— Усков Аркадий Геннадиевич, чл. КПСС, старший инженер по эксплуатации РЦ-1.

Может, это написано слишком громко и нескромно. Абсолютно уверен, что мотивы помощи были самые бескорыстные, высокие. А запомнить наши имена, может, и не надо. Может, еще высокая комиссия и скажет: "А зачем вы туда поперлись, а???"

Перед самим БЩУ-4 осел подвесной потолок, сверху льет вода. Все пригнулись — прошли. Дверь на БЩУ-4 — настезя. Зашли. За столом начальника смены блока сидит А.А.Ситников. Рядом НСБ-4 Саша Акимов. На столе разложены технологические схемы. Ситников, видно, плохо себя чувствует. Уронил голову на стол. Посидел немного, спрашивает Чугунова:

— Ты как?

— Да ничего.

— А у меня опять тошнота подступает (Ситников с Чугуновым находились на блоке с 2-х часов ночи!).

...По громкой связи объявляют сбор всех начальников цехов в бункере ГО. Ситников и Чугунов уходят.

Только сейчас обратил внимание: на БЩУ-4 уже прибыли "свежие люди". Всех "старых" уже отправили. Разумно. Дозостановку никто не знает, но рвота говорит о высокой дозе! Сколько — не помню...

...Все молча заходим на БЩУ-4. Звонит телефон, вызывают Орлова. Чугунову плохо, его отправляют в больницу, Ситников уже в больнице. Передают руководство цехом Орлову, как старшему по должности.

10 ч. 00 мин. Орлов уже в ранге и. о. начальника РЦ-1 получает "добро" на уход на БЩУ-3...

Идем в санпропускник мыться и переодеваться. Вот тут-то меня и прорвало. Выворачивало вдоль и поперек каждые 3-5 минут. Увидел, как Орлов захлопнул какой-то журнал. Ага... "Гражданская оборона", понятно.

— Ну что там вычитал?

— Ничего хорошего.

Пошли сдаваться в медпункт.

Уже потом Орлов сказал, что было написано в том журнале: появление рвоты — это уже признак лучевой болезни, что соответствует дозе более 100 бэр (рентген). Годовая норма — 5 бэр".

ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТОВ

Владимир Чугунов был из тех, у кого брать интервью — наслаждение. Атомная энергетика — сфера сложная, писать о ней — даже для того, кто, как говорят журналисты, "в теме", — очень непросто. Он ухитрялся держать себя как-то так, что корреспонденты, с которыми он общался, не стеснялись по десять раз переспрашивать у него ответы на свои вопросы. Он не раздражался на их непонимание. Он готов был снова и снова пояснять свою мысль, так как понимал: именно от его стоического терпения зависит то, как будет относиться потенциальный читатель будущего материала к непростым проблемам, которые решаются на Чернобыльской площадке.

Он был потрясюще честен и дальновиден.

...В 2000 году, накануне досрочного останова 3-го энергоблока ЧАЭС, по заданию одного достаточно популярного международного издания мне довелось брать интервью у Владимира Александровича. Естественно, я задала вопрос о том, как он относится к закрытию станции. Хочу напомнить: это были времена, когда о возможных технических проблемах, которые придется решать в процессе подготовки к снятию с эксплуатации и собственно снятия с эксплуатации, практически никто не говорил. Речь шла все больше о социально-экономических составляющих процесса. Естественно, я была готова услышать вполне ожидаемый ответ. А он заговорил

о другом.

"— В принципе, мы еще не понимаем, во что на самом деле втягиваемся. Мы не готовы к этому ни морально, ни материально, ни юридически, ни финансово — совсем никак.

— Почему?

— Во-первых, снятие с эксплуатации — это очень дорогое дело. Наверное, не менее дорогое, чем строительство новых блоков. В нашей экономике средства на снятие с эксплуатации не предусмотрены. Нет специального фонда, где бы они аккумулировались.

— Но ведь мировое сообщество нам обещает построить инфраструктуру...

— Видите ли, мировой опыт свидетельствует, что строительство "под ключ" — не самый прогрессивный подход к реализации высокосложных проектов. Да и нормативная и законодательная базы разных стран настолько несхожи, что возникновение трений и осложнений неизбежно. Скорее всего, нас еще ожидает немало неприятных сюрпризов...

— То есть, по вашему мнению, с решением о закрытии станции надо было подождать?

— Ну, решение не руководством станции принимало! И то, что это решение — политическое, ни для кого не секрет. И то, что политические решения редко приносят пользу, — тоже".

Естественно, этот фрагмент интервью был безжалостно вырезан из материала западным редактором. Позже, через полтора-два года, об этом заговорили многие, спустя еще тройку годков эта горькая правда зазвучала и с парламентских трибун...

ФИНАЛ, НАПРАВЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

Из интервью Владимира Чугунова газете "Новини ЧАЭС" (записал Виктор Капуста), август 2001 года. О строительстве НБК: "Арка" так "Арка", будем строить ее. Важнее дру-

гое. Важнее построить не просто какой-то "домик", который накроет объект, а чтобы этот "домик" нес функциональную нагрузку. Основными остаются в будущем задачи извлечения топливосодержащих осадков, радиоактивных отходов, разборки нестабильных конструкций, обращение с водой. Все это должно быть функционально в "Укрытии-2". Думаю, что это удастся сделать. Но, к сожалению, SIP не предусматривает извлечение РАО и ТСМ. Он предусматривает только эксперимент, который должен продемонстрировать возможность такого извлечения..."

О будущем станции: "Хотелось бы дожить до времени, когда к лучшему изменится экономическая ситуация и на этой (Чернобыльской. — М.Р.) площадке пустят энергоблок — не ядерный, а парогазовый. Потому что здесь сделано очень много. Есть гидротехника, есть мощный узел, называемый открытым распределительным устройством, линиями передачи..."

О будущем атомной энергетики и Славутича: "Не может быть хорошо в отдельно взятом городе, на отдельно взятом предприятии. Если экономика у нас в упадке, то какие основания надеяться Славутичу рассчитывать на лучшее? Так просто не может быть. Но как только экономика Украины начнет подниматься вверх, первое, что потребуются для нее, — это электроэнергия. Где ее будут брать? Тепловые станции практически выработали свой ресурс. Надеяться на батареи, солнечную энергию, ветер? Тоже нельзя. Остаются АЭС. Вот тогда, может быть, и понадобится потенциал нашего города, чтобы создать энергетическое предприятие..."

Очень хочется, чтобы эти мечты Владимира Александровича Чугунова стали пророчеством.

Подготовила
Майя РУДЕНКО